

Карамель

КАРИМА
СОРОКОУМОВА

18+

Карима Сорокоумова

Карамель

«Автор»

2026

Сорокоумова К.

Карамель / К. Сорокоумова — «Автор», 2026

Они оба не вписываются в рамки «нормального» мира. Нурислам и Нур — гиперактивные, импульсивные, мыслящие хаотичными вспышками. Окружающие привыкли видеть в этом проблему, но в их законном браке этот взаимный хаос неожиданно становится тихой гаванью, спасающей от одиночества. Что, если милость Всевышнего не в том, чтобы исправить твою инаковость, а в том, чтобы подарить тебе кого-то такого же «бедового», как ты сам?.. Всем «иноходцам» посвящается!

© Сорокоумова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Карима Сорокоумова

Карамель

* * *

«Необязательно быть нормальным, чтобы быть счастливым» (с)

Нурислам

Я зашёл в магазин только для того, чтобы купить любимую шоколадку с карамелью. Мне позарез хотелось почувствовать знакомый вкус после очередного скучного дня в универе, до окончания которого я считал дни. Дней этих, правда, было ещё жуть как много, учитывая самое начало учебного года, да ещё не последнего.

Я искренне надеялся, что мой шоколад не успели растащить. И удача мне улыбнулась. Последняя шоколадка лежала в коробке, ожидая, пока я её заберу. Пришлось изрядно извернуться и потянуться, потому что как раз в этом месте работница выкладывала новый товар на полки, однако я всё же достал объект своего вожделения. Но не успел я обрадоваться, как услышал за спиной разочарованное:

— Блииин... Подскажите, пожалуйста, а у вас есть ещё вот этот карамельный шоколад, или это реально последняя коробка?

— Последняя, к сожалению, — отозвалась работница.

Уже отойдя, я полуобернулся, потому что меня зацепило то, как эмоционально прозвучал голос. Я сам так звучал, когда всерьёз расстраивался.

Возле полки стояла девчонка лет восемнадцати в хиджабе — балаклаве, безразмерном спортивном худи до колен, широких спортивных штанах и кроссовках, на одном из которых были развязаны шнурки.

Я улыбнулся про себя. Я тоже ненавидел их завязывать.

Девчонка была веснушчатая и рыжая — из тех, чей цвет волос знаешь вопреки хиджабу.

С откровенно расстроенным видом, как ребёнок, потерявший любимую игрушку, она подхватила какой-то йогурт и направилась к кассе, где уже стоял я со своей шоколадкой.

Я улыбнулся про себя. «Вы не уверуете по-настоящему, пока не станете расходовать из того, что любите».

Оплатив свою покупку, я отошёл на шаг, обернулся и положив оплаченную шоколадку на край кассы перед девчонкой в хиджабе, сказал:

— Сестра... Бисмиллях.

И не оборачиваясь вышел из магазина.

Мне нравилось, когда люди радовались.

Выйдя из магазина, я дошёл до остановки, плюхнулся на сиденье и достал телефон. Шёл автобус. Я глянул — не мой. И снова откинулся назад и уставился в экран.

И вдруг на сиденье рядом со мной легла шоколадка.

— Брат... Ваше намерение примется, иншаАллах.

И прежде чем я успел среагировать, девчонка легко вскочила в уже закрывающийся двери автобус почти на ходу и исчезла.

Я улыбнулся, покачал головой, взял шоколадку, открыл и принялся есть. Значит, этот ризк всё-таки мой.

Я улыбался и когда доел шоколадку. Но не из-за патологически любимой карамели. А потому что сходу почувствовал в этой рыжей девчонке столько той же странной энергии, что переполняла меня самого, временами буквально выворачивая наружу и выливаясь то в дёржав-

шееся колено, то в искусанные до крови губы, то в сгрызенные в нервном запале ручки или карандаши.

Я утром почувствовал, что мы похожи. Очень похожи.
До чёртиков.

* * *

Нур

Вроде бы ничего не произошло. Я удачно успела на автобус и ехала домой, как обычно. И отказалась ради Аллаха от любимой карамельной шоколадки, отсутствие которых вызывало у меня настоящую ломку.

Но дело было даже не в этом. А в том, что я почувствовала, увидев этого брата по вере.

Это было всё равно что посмотреть на себя в зеркало. Та же сжатая пружина, готовая «выстрелить» в любой момент. И то же неудержимо трясущееся от этой внутренней перегрузки колено. Растрёпанные волосы, словно в них тысячу раз на дню нервно залезли руками.

Будто душа моя — беспокойная, не лезшая по жизни ни в какие рамки — вдруг узнала ту, которая была рядышком там, когда все мы были душами до сотворения тел, и подсознательно считала «старую знакомую».

Я покачала головой. Я дура.

Да, так бывает. Но это случайная встреча.

Так, всё, Нур... Случайная.

Я прикрыла глаза, злясь на себя. Смахнула рукавом отчего-то навернувшиеся слёзы.

Блин...

* * *

Нурислам

Доев шоколадку, я посидел с минуту, а потом, рискуя пропустить свой автобус, подскочил с сиденья, сунул руки в карманы и пошёл обратно в магазин. Я нашёл глазами пожилую женщину, которая по-прежнему раскладывала товар, и подошёл к ней, зная, что она работала здесь давно.

— Извините за беспокойство... Тут сейчас девушка была — рыжая, в платке... Про шоколадку карамельную спрашивала. Вы её раньше видели?

— Видела... — кивнула женщина. — Она такая — её сложно не запомнить...

Я вынул из кармана тысячу рублей, сложенную в несколько раз, протянул ей и вполголоса сказал:

— Маякните мне, пожалуйста, когда она в следующий раз появится — с меня ещё две.

Добродушная и бодрая, несмотря на возраст, работница магазина покачала головой, будто говоря: «Ох уж эта молодёжь!» — но достала телефон и занесла туда продиктованный мною номер.

Я вышел с чувством выполненного долга.

Может, это было глупо. Но я никогда не был нормальным. И не имел привычки долго думать.

Автобус я пропустил и домой добирался бегом.

Не страшно. Я любил пробежки.

* * *

Я зашёл домой и поздоровался.

После такой пробежки по идее нужно было в душ, потому что футболка была насквозь мокрая и прилипла к моей спине. Но, помыв руки и кое-как умывшись, я первым делом зашёл на кухню, чувствуя запах свежих огурцов. Они были моим заскоком номер два после шоколада с карамелью.

Заглянув и убедившись, что папы на кухне нет, только мама, я зашёл, уже не таясь, подхватил огурец с разделочной доски (разрешения я не спрашивал, потому что мама дала мне его раз и навсегда в глубоком детстве усталой фразой «да бери ты что хочешь») и усевшись на пол и привалившись мокрой спиной к кухонному шкафу, принялся хрустеть заветным овощем. Возможно, я так любил их потому, что от них, в отличие от каких-нибудь апельсинов, яблок и помидоров, не так щипало раскусанные до ран губы.

Я выбрал пол, потому что у папы, как сказала мама, был тяжёлый день, и я не хотел добивать его: когда сидишь на полу, ремень джинсов противно давит под рёбра, но колено дёргается меньше — как раз то, что нужно, если папа вот прямо сейчас зайдёт.

— На автобус опоздал? — спросила мама без вопросительной интонации.

— Ага, — подтвердил я с набитым ртом.

Она обошла меня, чтобы попасть обратно к своей разделочной доске и салату.

Я снова подумал о девчонке из магазина, потом выгнал эти мысли, но огурец, который я грыз, стал триггером для воспоминания на «смежную» тему.

Год назад, когда мне только стукнуло девятнадцать, я притаился из универа усталый как собака и сказал родителям, что пойду спать. Я как раз прихватил с собой огурец с кухни, отъел половину, а остальное оставил на своём письменном столе, и действительно лёг. Но почему-то не заснул.

Было по-летнему тепло, и мама с папой пили на балконе чай и беседовали. Они говорили о планах на лето, и их голоса успокаивающе журчали в паре метров от моего распахнутого настежь окна.

И я почти уже засыпал, когда они, уверенные, что я сплю без задних ног, вдруг заговорили обо мне.

— ...вот за него, в соседней комнате, у меня знаешь как голова болит? — посетовал папа.
— Который раз думаю, как мы его женить будем.

Мама молчала, видимо, за неимением вариантов, и папа со вздохом продолжил рассуждать:

— С одной стороны, вуз закончить надо. Всё надеюсь, что как-то перерастёт, повзрослеет. Я был метр восемьдесят и с основательной щетиной. Я вряд ли что-то перерасту.

Я имел привычку мысленно комментировать всё, что слышал.

— Наверное, лучше рискнуть и окончания учёбы дожидаться...

Не в силах лежать, я сел на кровати. Я был в ужасе от такой перспективы. Я давно уже изнывал, мечтая, чтобы у меня была своя девчонка. Я женился бы даже после школы: я искренне не понимал, чего тянуть? Минимальный доход у меня был, я давно подрабатывал. И вместе, конечно же, всё делать в разы интереснее. А некоторые жизненные проекты вообще в одиночку не осуществить... И моей девчонке, прописанной в моей судьбе, со мной точно будет лучше, чем без меня — я в это верил. И от мысли о том, что она где-то сейчас страдает без меня так же, как я без неё, у меня ёкнуло сердце от жалости.

— Так он ведь такой, что страшно за него — мало ли чего наделает, — вздохнула мама.
— Может, наоборот, побыстрее уж лучше?..

Вот оно, материнское сердце! Спасибо, мама.

— Только ему ещё найти надо такую же, как он, — озвучила она общую боль.

— Нет, — горячо возразил папа. — Ему как раз нормальную надо, чтоб нормальным как-то стал... Ну, иншаАллах.

Я нервно сглотнул. Я чрезвычайно боялся нормальных. Я даже видел их в ночных кошмарах, когда мне пару раз приснилось, что я женился на такой: степенной, болеющей порядком, складывающей всё квадратиками, живущей по часам, ратующей за здоровый образ жизни без шоколада и с ужасом созерцающей мои дёргающиеся колени, окровавленные губы и «съеденные» карандаши. Ух, страсть какая!

Я покачал головой, поскрёб щетину на щеке и взялся догрызать огурец. Нет, я так не выживу... Мне нужна такая же чок... хм... гиперактивная, как я. Тогда всё будет клёво. ИншаАллах.

Мама на балконе сокрушённо вздохнула:

— Так ведь если нормальная, то девочку-то жалко, она ж не поймёт...

Раздался тяжкий папин вздох, а я, забыв про огурец, прямо расчувствовался оттого, что мама так жалела мою гипотетическую вторую половинку. У неё всегда было доброе сердце...

Мягкий толчок маминого тапочка спустил меня из облака воспоминаний в реальную жизнь. Это означало, что папа идёт на кухню и мне лучше собраться, потому что он будет спрашивать о моей учёбе и лучше заранее сформулировать мысли, чтобы говорить складно, приводить факты и цифры более или менее упорядоченно и не начинать с конца.

Я проглотил последний кусок огурца и настроился.

* * *

Нур

Я вздохнула с облегчением. Всё, последний штрих. Работа закончена.

Я ещё раз глянула на результат. Получилось классно.

У меня вообще получались классные вещи.

Только они стоили мне в большинстве случаев как минимум одной жвачки или карамельной шоколадки, захватанных руками волос и закусанных в нервном напряжении губ.

Сегодня было ещё сложнее. Потому что время от времени перед моим мысленным взором вместо картинки, над которой я работала, всплывал въевшийся в моё сознание образ беспорядочно заросшего щетиной парня с растрёпанными волосами и дёргающимся коленом. И тоже развязанными шнурками на кроссовках.

Я устала говорить «аузубиЛлях». Наверное, сегодня это было моё испытание.

Радовало только то, что моя нервная система жгла дотла все попадавшие в неё калории, так что мне вряд ли грозил лишний вес из-за третьей за сегодняшний день шоколадки.

Я рада была, что брат запихнул меня в частный универ, где программу можно было пройти ускоренно: мои знакомые сёстры сходили с ума от скуки в обычных вузах на «растянутых» и не гибких программах.

Я летела по своему обучению, и мне хотелось побыстрее оставить его позади. Я уже всю работала, и хоть в универе давали много нового, часто сидение там меня тяготило.

Я посмотрела на стол. Шоколадки кончились. Нет, я не выдержу. Мне точно нужна сегодня ещё одна.

Я оделась, залезла в кроссовки, которые старший брат уже заботливо завязал за меня, и потащилась в парк проветриться, рассчитывая заодно купить заветную шоколадку в маленьком магазине возле остановки.

* * *

Нурислам

Я был на улице, когда на телефон упало долгожданное: «Ваша девушка здесь».

И я рванул бегом к магазину. Хорошо, что истихару я прочитал ещё после того, как, отсидев на кухонном полу диалог с папой, зашёл в душ.

Запахавшийся, я подскочил в тот момент, когда она стояла возле кассы с шоколадками и йогуртом. Показавшись ей на глаза, я подождал, пока она пройдёт кассу, а потом остановил её словами:

— Ассаляму алейкум... Ты же незамужняя?

— Ва алейкум ассалям... Нет, — отозвалась девчонка, глядя в пол.

Сердце моё сделало радостный флип.

— В общем, я заинтересован. Если ты тоже, оставь координаты своего покровителя.

Я достал из кармана листок, который отодрал перед выходом от липкого блока на маминном холодильнике, и ручку и положил их на упаковочный столик у входа.

Девчонка нервно куснула губы и сказала, когда я уже повернулся, чтобы выйти:

— Ты вспыльчивый?

Я покачал головой.

Я одинокий. Но об этом не было смысла говорить, потому что это очевидная истина.

— Я добрейшая душа, Аллах свидетель, — честно отозвался я.

Я был не про то, чтобы на кого-нибудь накричать, а про то, чтобы «создать движение», растолкав занятых братьев с нетерпеливым: «Давайте итикаф замутим, что ли, последние десять дней рамадана, а вы все в учебниках». И про то, чтобы заиграться с ребёнком в исламское лото, пока тот не уснёт на ковре. Про то, чтобы притащить домой на излечение грязного котёнка под философский вздох мамы.

Про то, чтобы дотащить старушке сумки до остановки или поднять по ступенькам коляску.

Про то, чтобы помочь «тормозящему» в учёбе товарищу.

Точно не про вспыльчивость,

Она молча кивнула, отпуская меня с миром, и я вышел.

Когда я зашёл в магазин после её выхода и с надеждой глянул на заветный прилавок, там лежала моя ручка и листок.

На листке было написано: «Анвар (брат)» и номер телефона.

Я подхватил листок и, невнятно мыча любимую нашиду, зашагал домой.

И уже подходя к дому, сообразил: я не спросил, как зовут девчонку. И не сказал ей, как зовут меня.

Я не знал, считать ли это трагедией.

* * *

Нур

То ли всё наконец-то решится, то ли испытание просто перешло на новый уровень.

Я посмотрела на свою руку. Мне казалось, что я всё ещё держу в ней эту ручку. Ручку с едва заметными следами от зубов на колпачке.

Зайдя домой, я помыла руки, переоделась, ещё раз по форме прочитала истихару, которую мне пришлось мысленно читать в магазине за неимением других опций, и села на кровать.

В конце концов, если этому суждено случиться, оно случится. Господь знает лучше. И Он не должен мне именно этого парня. Может, в моей судьбе вообще нет замужества. Может, у меня в этой жизни совсем другая роль.

Но через полчаса брат позвал меня:

— Нур! Подойди-ка сюда...

И я знала, зачем.

* * *

Нурислам

— Бог с ним, с коленом... Но хоть ручку эту можешь не грызть? — не выдержав, шепотом взмолился Али. — Прямо как это... пенопластом по стеклу.

Я усилием воли вытащил колпачок ручки изо рта, давая брату по вере передышку.

Мы сидели на «паре», которая тянулась невероятно долго, и мысль о том, что нужно высидеть ещё полчаса, сводила меня с ума. Это был тот урок, на который я не мог не прийти — здесь не проходило «послать друга, чтобы он отметился за тебя». И я честно страдал за неимением другого варианта под монотонный голос преподавателя.

Я давно знал всё это наизусть — выучил и освоил самостоятельно в начале года. Я вообще не любил никого ждать. И оттого, что для меня в этой «паре» не было ровно никакой пользы, это сидение казалось ещё мучительнее.

— Ты реально с этим ничего не можешь сделать? — спросил Али, кивая на моё колено, которое жило своей отдельной жизнью, нервно дрожа на полную мощность.

Он спрашивал не первый раз. Потому что для них, нормальных, это странно.

— Если б мог, сделал бы... — дал я классический ответ.

Он вздохнул и, вытащив наушник, протянул мне. Я запихнул в уши любимые нами обоими нашивки, и легче стало всем, включая моё колено.

* * *

Нур

Сидя перед братом и дав волю своему подёргивающемуся колену, я выложила всё, как есть. Потому что после папиной смерти год назад Анвар был моим единственным вали и имел право знать. Всё, до последней буквы.

Я составила в голове связный рассказ в хронологическом порядке и методично выдала его абзац за абзацем.

Единственное, на чём я не стала заострять внимание — дёргающееся колено и растрёпанная шевелюра. Потому что знала на все сто, что Анвар, пусть и привыкший ко мне, не способен представить себе «мужской аналог» своей сестры. Я только пояснила:

— Мне показалось, что он похож на меня...

Это была важная информация, которую психика моего брата могла безопасно переварить.

— Ладно, понял... — кивнул он.

Я пошла к себе делать университетскую домашку.

Ещё ничего не случилось. Но почему-то подо мной приплясывали ноги.

* * *

Нурислам

Я-таки дождался ответа на свой запрос брату девчонки. В чате мне пришлось писать «твоя сестра», поскольку имени я до сих пор не знал. Молчание длилось несколько часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.